

Колобова Ксения Сергеевна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры «Лингводидактика и перевод»

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Kolobova K. S.

Candidate of Philological Sciences,

Polytechnic University of Peter-the-Great, Saint-Petersburg

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА РОМАНА АЛЬФРЕДА ДЁБЛИНА «БЕРЛИН. АЛЕКСАНДРПЛАТЦ»

NARRATIVE PERSPECTIVE OF THE NOVEL BY ALFRED DYOBLIN «BERLIN. ALEXANDRPLATZ»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы повествовательной перспективы, а также ее реализации в романе А. Дёблина «Берлин. Александрплатц».

Ключевые слова: художественный текст, повествовательная перспектива, повествователь.

Summary. This article is devoted to the review of the problem of narrative perspective and its realization in the novel by Alfred Dyoblin «Berlin. Alexandrplatz».

Key words: fiction, narrative perspective, narrator.

Важной составляющей художественного произведения является некая повествовательная инстанция, которая находится, с одной стороны, между изображаемой действительностью и автором, а с другой — между изображаемой действительностью и читателем (Р. Lubbock 1957, N. Friedmann 1967, K. Friedemann 1969, F. K. Stanzel 1965 и др.).

Для обозначения повествовательной инстанции художественного текста в отечественной науке используются термины «повествователь» и «рассказчик». При этом «повествователь» определяется как «носитель речи, не выявленный, не названный, растворенный в тексте», а «рассказчик» — как «носитель речи, открыто организующий своей личностью весь текст» [4, с. 33–34]. Повествователь нетождествен повествуемой инстанции и говорит от 3-го лица. Рассказчик же идентичен повествуемой инстанции и говорит от 1-го лица [6, с. 236]. В научном употреблении термин «повествователь» используется для обозначения некой инстанции объективной, стоящей «близко» к автору. Термин «рассказчик» обозначает «субъективную» инстанции, соотносимую с одним из персонажей произведения [7, с. 64].

Повествовательная инстанция имеет достаточно сложную структуру, так как включает в себя как акт передачи информации о фикциональной действи-

тельности, так и акт восприятия иной действительности. Повествователь не всегда демонстрирует «всеведение», а может принимать точку зрения персонажа, показывать «всезнание», или говорить меньше, чем знает любой персонаж.

Одной из наиболее популярных терминологий для объяснения проблемы повествовательной перспективы предложена Ж. Женеттом. Он выделял видение «сзади» — нулевая фокализация (или отсутствие фокализации), видение «с» — внутренняя фокализация, видение «извне» — внешняя фокализация. Первый тип Женетт относит к «классическому рассказу» с всезнающим повествователем; под внутренней фокализацией он понимает точку зрения «фокального персонажа», воспринимающего субъекта находящегося «внутри истории». Последний тип обозначает восприятие того, на что или на кого направлен взгляд повествователя. При этом повествовательная перспектива может все время меняться в зависимости от того, чья точка зрения становится предметом описания [2, с. 10]. Классификация **Ж. Женетта** строится на основе пересечения двух параметров: отношения повествователя к повествуемой истории и степени его отношения к повествованию. Если повествователь существует вне повествуемой истории, речь идет о *гетеродиегетическом* повествовании (от греч. *hetero*

«разнородный», *diegesis* «повествование»), если он является фигурой повествуемой истории, повествование является *гомодиегетическим* («и лат. *homo* «человек», *diegesis* «повествование»). Два нарративных уровня — *интрадиегетический* и *экстрадиегетический* — указывают на первичность или вторичность повествователя.

Попытку обобщить существующие классификации отношений повествуемой и повествующей инстанций предпринял голландский исследователь Яп Линтвельт, который вслед за Ж. Женеттом выделяет две базовые повествовательные формы: *гомодиегетическое* и *гетеродиегетическое* повествование. Выделенные повествовательные формы Линтвельт соединяет с тремя нарративными типами — аукториальным, акториальным и нейтральным. Аукториальный тип ориентирует читательское восприятие событий и участвующих в них фигур на позицию повествователя, акториальный — на позицию персонажа, нейтральный — означает отсутствие субъективных характеристик опосредующего сознания как центра ориентации читателя, которое ограничивается объективной регистрацией происходящего [1, с. 82]. Все три нарративных типа представлены в гетеродиегетическом повествовании, но только два — аукториальный и акториальный — в гомодиегетическом [3, с. 82–83]. Гетеродиегетическое повествование осуществляется, как правило, в форме 3-го лица, гомодиегетическое — в форме 1-го лица, хотя, как считает Я. Линтвельт, в каждом из выделенных типов возможно использование и других грамматических форм [3, с. 31].

Основной повествовательной инстанцией в романе Альфреда Дёблина «Berlin. Alexandrplatz» является акториальный рассказчик гомодиегетического типа, который видит столько же, сколько знает персонаж, поскольку всегда находится рядом с ним. По своему положению в романе рассказчик является одним из многих берлинцев. В его руках сосредоточены нити повествования, связанные с развитием сюжета, философский аспект романа находится в компетенции автора [9, с. 342]. Как отмечает Н. С. Павлова, рассказчик у Дёблина — «не скрытый от читателя всеведущий автор <...> — это еще один звучащий в романе голос, еще одно сознание, комментирующее, вслушивающееся и вглядывающееся в главную действительность романа» [5, с. 311].

Однако роль рассказчика в романе значительно шире, чем партия одного голоса, звучащего наряду с другими голосами. Он то и дело вмешивается в действие, меняет маски: то он «средний берлинец», немногим отличающийся от главного героя произведения, то выступает в собственном облике, идентичен автору и прямо обращается к читателю через голову героя.

Для целостной структуры романа важна функция рассказчика как «одного из многих берлинцев», так как проблема героя в романе сводится во многом к проблеме жизни человека в современном мире. Рассказчик действует в рамках развития событий. Материал, прямо не связанный с сюжетом, находится вне его компетенции. Он на протяжении всего романа идет рядом с Францем, сочувствует, расспрашивает, предупреждает. Рассказчик много раз оговаривается, что он один из многих берлинцев при описании площадей Берлина. Часто рассказчик повествует о людях, окружающих Франца, действия которых схожи с поступками главного героя. Рассказчик преподносит их читателю как очевидец, наблюдатель и чуть ли не участник описываемых событий.

Речь рассказчика эмоционально окрашена, близка по стилю к речи обывателя, такого, как «все», ничем не выдающегося человека. Такая манера изложения событий объясняется желанием писателя воссоздать в художественном произведении конкретный, близкий к реальному, жизненный материал, документировать повествование. В данном случае в качестве документа выступает свидетельство очевидца.

Кроме того, такого рода рассказ-сообщение является важным законом теории «нового эпоса» Дёблина. Еще в «Берлинской программе» Дёблин предлагает давать в романе «глубинное изображение действительности, вплоть до основных, элементарных ситуаций человеческого бытия» [8, с. 149–150].

Рассказчик-очевидец, изображающий поведение того или иного участника не перевоплощается полностью: показывая других, он сохраняет собственное «я». Очевидец наглядно представляет лишь те моменты действия, которые важны для формирования представления о происшествии у слушателя.

Однако часто голос рассказчика сливается с внутренним голосом героя и его «поток сознания», репликами других героев произведения, никак не обозначенных. Как было отмечено выше, рассказчик не обладает «всеведением», он лишь декларирует то, что видит, то, что окружает главного героя в определенный момент его жизни. Но это произведение не только о городе, о людях, живущих в нем. Это, прежде всего, повествование о жизни «маленького человека», который пытается найти свой правильный путь в жизни после череды трагических событий, которые преподнесла ему судьба. Образ города и составляющие его элементы призваны помочь герою. Однако какое влияние на человека оказывает город со всеми его магазинами, стройками, шумом, толпами бегущих куда-то людей можно узнать, лишь заглянув во внутренний мир человека, узнав о его мыслях, чувствах, переживаниях. Именно с этой целью на смену констатирующей

происходящее речи рассказчика приходит поток льющейся внутренней речи главного героя произведения.

Таким образом, структурно-смысловое единство повествовательного текста обеспечивается повествовательной инстанцией, под которой следует понимать принцип отбора, переработки и презентации художественного (или жизненного) материала. Выбор повествовательной инстанции относится к функции

образа автора как креативного начала повествовательного дискурса, но также и функцией *образцового* (по У. Эко) читателя, который, опираясь на расставленные автором в процессе вербализации нарративной текстовой конструкции «вехи» (средства прагматического фокусирования), идентифицирует эти точки зрения в процессе чтения текста [1, с. 86].

Литература

1. Андреева В. А. Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы) [Текст]: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.04. / В. А. Андреева. — СПб., 2009. — 360 с.
2. Женетт Ж. Границы повествовательности [Текст] / Ж. Женетт // Женетт Ж. Фигуры / Ж. Женетт. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998 (а). — 199 с.
3. Ильин И. П. Нарратор. Нарративная типология. Нарратология [Текст] / И. П. Ильин // Терминология современного зарубежного литературоведения (Страны Западной Европы и США): справочник. — М.: ИНИОН, 1992 (с). — С. 68–91.
4. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения [Текст] / Б. О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — 110 с.
5. Павлова Н. С. Типология немецкого романа, 1900–1945 [Текст] / Н. С. Павлова. — М.: Наука, 1982. — 277 с.
6. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студентов высших учебных заведений / В. Е. Хализев. — Москва: Высшая школа, 2005. — 404 с.
7. Шмид В. Нарратология [Текст] / В. Шмид. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
8. Döblin A. Die Vertreibung der Gespenster [Text] / A. Döblin // Autobiographische Schriften, Betrachtungen zur Zeit, Aufsätze zu Kunst und Literatur. Berlin: Verlag Rütten & Loening, 1968. — 551 S.
9. Martini F. Das Wagnis der Sprache. Interpretation deutscher Prosa von Nietzsche bis Benn [Text] / F. Martini. — Stuttgart: Klett, 1961. — 529 S.